

СЕРГЕЙ ТАРМАШЕВ

КАЖДОМУ СВОЁ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Экстренное руководство к действию! Максимальный уровень секретности. Архивирование запрещено! После ознакомления уничтожить!»

Десять стандартных суток назад размещенная в системе Ярило резидентура подтвердила успешное завершение фазы деперсонализации целевого объекта. Все следы нашей деятельности подверглись тотальному разрушению. Марионеточные управленческие группы из числа генетически модифицированных аборигенов ликвидированы в полном составе. Цивилизация на объекте уничтожена. Резидентура сообщила о вступлении в действие второй фазы обработки объекта, подразумевающей поголовное вымирание выживших аборигенов, имеющее целью абсолютное уничтожение любых остаточных признаков нашей активности на объекте. Максимальный приоритет присвоен ликвидации свидетельств генетического вмешательства в ДНК марионеток. Резидентуре поставлена задача по полному обнулению какой бы то ни было информационной составляющей о проводившихся миссиях, сохранение которой не исключено на уровне слухов среди аборигенов, до начала зачистки объекта имевших служебные либо родственные связи с марионетками, а также с их непосредственными приближенными.

В момент завершения данного доклада связь с резидентурой прервалась. По предназначенным для нештатных ситуаций каналам экстренных систем коммуникаций резидентура на связь не вышла. В определенное для следующего доклада время контакт с агентами не состоялся. Все имеющиеся каналы связи не отвечают на запросы. Системы дальнего обнаружения не фиксируют в системе Ярило наличие объектов резидентской инфраструктуры, включая сооружения максимальной степени конспирации. Проведенное в экстренном порядке внешнее дистанционное сканирование не выявило признаков присутствия в системе Ярило вооруженных или иных сил каких-либо цивилизаций. Однако срочно направленные туда автоматические средства, предназначенные для оказания непосредственной помощи резидентуре, в назначенное время не вышли из гиперпространства и бесследно исчезли. Математическая модель ситуации с вероятностью в 98,83% считает резидентуру погибшей.

***ВНИМАНИЕ! УГРОЗА ВЫСШЕГО УРОВНЯ!** В качестве причины гибели с вероятностью в 99,97% математический анализ определяет негласное вмешательство цивилизации Сияющих. В связи с этим категорически приказывается:*

С текущей секунды прекратить всякую деятельность в отношении системы Ярило.

Все имеющие отношение к нашей деятельности на целевом объекте информационные массивы, базы данных и архивы уничтожить немедленно вместе с физическими носителями.

Во избежание использования цивилизацией Сияющих недоступных нам технологий извлечения информации, также должны быть немедленно уничтожены:

- Все системы сверхдальней связи и наблюдения, осуществившие поддержку резидентуры на целевом объекте, включая оборудование, скрытое в глубоком космосе.*
- Все корабли и суда, включая вспомогательные и беспилотные, хотя бы единожды привлекавшиеся к проведению тайных операций на объекте.*
- Все имеющиеся в наличии образцы генетически модифицированных аборигенов, включая лабораторных, привилегированных и эвакуированных с объекта в порядке поощрения особей.*

- Всё оборудование соответствующих лабораторий, включая здания и строения вплоть до фундамента либо выполняющих аналогичную функцию космических конструкций.

Все вышеуказанные материальные средства и объекты после уничтожения должны быть в кратчайшие сроки заменены на аналогичные с инсталляцией всех необходимых лог-файлов, свидетельствующих о долголетней эксплуатации данной техники. В связи с этим для замены использовать оборудование, произведенное максимально давно. Экстренный бюджет, предназначенный для проведения вышеуказанного легендирования, только что распределен между счетами соответствующих ведомств.

С целью предотвращения утечки информации в результате воздействия технологий непреодолимой силы, применяемых цивилизацией Сияющих, указанные ниже сотрудники должны быть подвергнуты процедуре нейронной стерилизации...»

Из экстренного оповещения максимальной степени защищенности, перехваченного разведкой цивилизации Сияющих в системе планет Нод и Эдем Галактики Юр.

Двенадцатый день после всемирной катастрофы, Новгородская область, приблизительный район местоположения входа в «Подземстрой-1», 13.00, время московское.

Пропитанные радиоактивной пылью полуденные сумерки, непроницаемой толщей улёгшиеся на засыпанную грязным снегом пустошь, сокращали обзор до двух десятков метров, из-за чего окружающая местность обманчиво казалась ровной и относительно неопасной. Не прекращающиеся радиоактивные осадки в виде черного от золы и прочих несгоревших частиц порошка мало чем напоминали обычный снег, и всякий раз, когда с неба начинал сыпать сплошной поток, свет ходовых прожекторов словно упирался в грязную стену, преграждающую вездеходу путь. Видимость падала ещё сильнее, и вездеход сбрасывал скорость до минимальной, стремясь избежать столкновения.

- Ни фига не видно! – Молодой техник, занявший место за штурвалом вездехода вместо умершего Петровича, обращался к сидящему рядом Порфирьеву, но его голос в ближнем эфире был слышан всем набившимся в кузов людям. – Грязь валит сверху сплошной стеной и сливается с грязью на земле, ни черта не разобрать! Не напороться бы! Может, остановимся и переждём снегопад?

- Хрен его знает, когда он закончится, - негромко прорычал в ответ Порфирьев. – Рисуем зря сжечь энергоресурс. Сбрось скорость до минимальной и смотри в оба.

- Не поможет, - вяло возразил молодой техник. – На земле черный снег, с неба идет черный снег, обуглившиеся обломки пней тоже черные... Мы и так плетемся пять километров в час, если сбросить ещё, то пешком быстрее будет.

- Пешком ты так быстро тут не побегаешь, - угрюмо прорычал Порфирьев. – Снегопады идут вторую неделю, и ураганные ветра забили этой радиоактивной дрянью любые углубления. Это кажется, что местность вокруг ровная. На самом деле под слоем снега сплошной бурелом, черт ногу сломит. Вспомни, как базу возле бабского бункера разворачивали. Каждый раз по двадцать споткнулся, а ведь там была окраина леса. А тут раньше лес был всюду. Без лыж или снегоступов далеко не уйдёшь.

- Я не предлагаю пешком, это я для сравнения, - уточнил техник. – Полчаса кружим в потемках со скоростью пешехода, я только и делаю, что объезжаю огрызки пней, выскакивающих из грязи перед самыми фарами. Ты говорил, что над «Подземстроем» искусственную гору насыпали, как мы его найдем, если при такой видимости даже гору не увидишь?

- Капитан! – в эфир хрипло вышел полковник, вмешиваясь в разговор Владимира и Порфирьева. – Может, действительно переждём час? Отыщи ровное место, где можно безопасно сдуть воздушную подушку и заглушить движок, так сэкономим аккумулятор! Выходить не будем, отсидимся в кузове, на час штатного обогрева снаряжения хватит.

- Надо продолжать искать, - заявил амбал, - до интоксикации осталось четыре с половиной часа. Если видимость не улучшится за это время, то потеряем сутки. Гора должна быть где-то здесь, я, когда в «Подземстрой» ездил, сам координаты входа замерял, из любопытства. Она не высокая совсем, метров тридцать, зато в поперечнике почти километр. Нам главное на неё наткнуться, а там пойдём по периметру в любую сторону и в конце концов ко входу выйдем. Лучше так, чем лишняя интоксикация.

- Согласен, - полковник надрывно закашлялся, после чего с равнодушным видом распахнул лицевой щиток армейского шлема и сплюнул кровавый сгусток на металлический пол. – Занимайся!

Полковник мгновение смотрел на сморщившийся на холоде кровавый плевок, потом растер его ногой, захлопнул шлем и откинулся на спинку лавки, закрывая глаза. Остальные не проронили ни звука, и Антон на несколько секунд отключил микрофоны своего гермошлема, чтобы прочистить горло. С того момента, как Дилару с Давидом и двумя уцелевшими активистками высадили в обнаруженном Порфирьевым частном бункере, свободного пространства в кузове вездехода стало больше, и Овечкину впервые досталось место на лавке. Сидеть на ней было удобней, чем на ящике со спецпалаткой, есть на что опереться спиной, и его многострадальный позвоночник перестал затекать. Но вместо этого неудобства на Антона свалилось новое. Ощущение, будто он надышался песком, возникшее после пробития пульей фильтра скафандра, усилилось, и в горле першило всё чаще. Время от времени это першение доставало его настолько, что Антону приходилось основательно прочищать горло. Громкое кряхтение и откашливания, сопровождающие этот процесс, быстро вызвали раздражение у полковника, и тот велел Овечкину вырубать микрофоны и на время кашля. Как будто его собственный кашель никого не бесил!

Пришлось молча стерпеть очередное унижение и подчиниться. Сейчас, когда Дилара и Давид в относительной безопасности, не стоит накалять немного разрядившуюся атмосферу. Если в «Подземстрое-1» сохранилось верховенство закона, Антон поднимет тему злодеяний и военных преступлений немедленно, едва представится возможность. И добьётся привлечения к ответственности и Порфирьева, и полковника, и вообще всех, кто своими действиями или бездействием способствовал оставлению в опасности Антона и его семьи. В результате чего погибла Амина, едва не был убит Давид, а самого Овечкина фактически лишили гражданских и конституционных прав, регулярно угрожая расправой. Но сначала ему крайне необходимо посетить врача и получить квалифицированную медицинскую помощь. Это усиливающееся першение в горле пугает всё сильнее. К счастью, никакой мокроты, тем более кровавой, Антон у себя не обнаружил, наиболее вероятно, что проблема с першением больше психологическая, чем медицинская. В интернете он встречал множество авторитетных статей о том, что люди с тонкой психологической организацией, такие, как Антон, часто болевают на нервной почве. Сомневаться в этом не приходилось, достаточно вспомнить мать – исполненная трудностями жизнь сделала её хронически больным человеком.

Поэтому как можно быстрее посетить врача для Антона очень важно. Важнее, чем остальным, потому что они переносят происходящее гораздо легче, ведь им не приходится заботиться о детях, и у них нет признаков заболеваний. За исключением отхаркивающегося кровавыми ошметками полковника. Если он не повторит судьбу генерала, Антон готов пропустить его вперёд себя, а вообще в «Подземстрое» должно быть несколько врачей и уж точно больше одного биорегенератора, это же специализированное противоатомное убежище, построенное по последнему слову научной мысли. Что-то такое попадалось ему на глаза в интернете на эту тему, но было это давно и вскользь, поэтому в памяти не сохранилось. Антон даже хотел спуститься в тот самодельный бункер вместе с женой и сыном, когда выяснилось, что там имеются медицинские работники. Буквально на несколько минут, чтобы пройти хотя бы поверхностный медосмотр и заодно убедиться, что его семья будет в бункере в безопасности. Но Порфирьев не позволил ему сделать это, заявив, что у них нет на это времени, потому что все, кроме женщин и Давида, примут антирад, их счетчик начнет тикать, и никто не станет терять драгоценные минуты ради соплей Овечкина. И вообще, он провёл там сутки и сам всё уже проверил. В тот момент Дилара, вместе со всеми слушавшая их переговоры, бросила на Антона полный боли и раздражения взгляд, и ради благополучия жены и ребенка он не стал спорить. Сейчас

главное выжить и добраться до «Подземстроя». Когда угроза гибели останется позади, Антон обратится к правосудию и к общественности, и призовет к ответу негодяев.

Несколько секунд Овечкин пытался прокашляться, болезненно кривясь от щиплющих ощущений в раздраженном сухим кашлем горле. Наконец, это ему удалось, и Антон, переводя дух, бросил взгляд в иллюминатор. За толстым бронестеклом стояла сплошная взвесь из серо-бурой пыли, не то утопающей в мрачных сумерках, не то топившая их в своем бесконечном чреве. Овечкин скосил глаза на показания дозиметра. Счётчик Гейгера показывал триста рентген в час, и это внутри вездехода, что же тогда за бортом?

- Радиационный фон вырос! – Сообщил Антон в эфир, окидывая сидящих вокруг людей тревожным взглядом. – Возможно, мы приближаемся к эпицентру одного из взрывов!

Ему не ответили, и никто не обратил на его слова ни малейшего внимания. Овечкин запоздало понял, что не включил выключенные перед откашливанием микрофоны, и завозился с управлением. Сидящие по обе стороны от него активисты открыли глаза, почувствовав его шевеления, и бросили на Антона вопросительные взгляды. Он включил микрофон, но ответить не успел.

- Фон за бортом опять вырос, - в ближнем эфире зазвучал голос молодого техника. – Две тысячи рентген в час, было же шестьсот. И продолжает расти! Мы случайно к кратеру не приближаемся?

- Может и так, - устало ответил Порфирьев. – Кто его знает? Уткнемся в отвал – схожу, посмотрю. Вообще возле кратера фон должен быть гораздо выше, поэтому, если зашкалит, повернем обратно и попытаемся объехать с другой стороны. Нам нужен хоть какой-нибудь ориентир.

В памяти мгновенно всплыла картина изрытого пылающими кратерами пространства на месте секретного подземного города в Раменках, и Антона охватил страх. Если «Подземстрой-1» уничтожен, они обречены на мучительную смерть!

- Какова вероятность, что враги могли сознательно уничтожить «Подземстрой-1»? – срывающимся голосом спросил он, скользя испуганным взглядом по хмурым лицам военных.

- Да хрен его знает, - лениво ответил полковник, открывая наполненные безразличием глаза. – Зависит от того, что у них оставалось после нанесения основных ударов по приоритетным целям. Я б пальнул.

- Но это же гражданский объект! – ужаснулся Овечкин. – Из него никогда не делали секрета, там мог побывать любой желающий и убедиться, что это сугубо мирное убежище!

- Думаешь, что в сугубо мирное убежище не пойдут спасаться сугубо милитаристские подразделения? – к безразличию во взгляде полковника прибавилась насмешливая ирония. – Или высокие моральные принципы не позволят кому-то спрятать в районе гражданского объекта пару мобильных пусковых установок?

- Но это же ставит под удар собственных граждан! – оторопел Антон. – Неужели мы это сделали?

- Официально – нет, - полковник надрывно закашлялся. – Размещение военных объектов в непосредственной близости от объектов Гражданской Обороны не приветствуется. Но на что пойдет расчет какого-нибудь мобильного пускового комплекса, чтобы выжить, когда на него отовсюду сыплются ядерные заряды, я не знаю. – Он меланхолично пожал плечами. – Кто-нибудь мог попытаться таким способом выйти из зоны поражения и избежать смерти. А потом отстреляться по противнику. Кроме того, наши заокеанские партнёры регулярно пользуются старым и нехитрым приёмом. У них на каждой войне рядом с хотя бы одной военной базой обязательно отыщется какой-нибудь лагерь беженцев. Не в качестве живого щита, конечно нет, упаси Господи, просто так случайно получилось, людишки как-то сами собой набежали. Ты же не думаешь, что с такими собственными методиками они будут свято верить в нашу непогрешимость?

Полковник вновь зашелся в кашле, открыл шлем и сплюнул на ледяной пол очередной кровавый сгусток. Он захлопнул шлем, и Антон подавленно выдавил, вспоминая придуманный Порфирьевым полузатопленный бункер, якобы располагавшийся в трех километрах от погибших Раменок:

- То есть... у нас нет шансов? Мы ищем ради поисков? Чтобы не терять надежду?

- Ну почему же, - полковник закрыл глаза и снова принял полулежачее положение. – Мы рассчитываем на то, о чем ты сказал. Что все желающие направили своих шпионов в «Подземстрой-1» ещё на стадии строительства и убедились, что ничего стратегического и вообще военного там нет. Поэтому «Подземстрой» обстреляют по стандартной схеме, воздушными ядерными боеприпасами, и

не станут тратить на него глубинные. В крайнем случае, ударят контактным по горе. Но это уже очень плохо, потому что запросто может вызвать обрушение входа, и тогда без тяжелой техники внутрь не попасть. Короче: доберёмся – увидим. Не паникуй раньше времени, инженер.

Он замолчал, и Антон вновь сверился с дозиметром. Фон продолжал расти, что неоспоримо свидетельствовало о приближении к эпицентру термоядерного взрыва. Вопрос в том, надземный это был взрыв или подземный... И сколько времени они смогут потратить на поиски при такой радиации? А если она убьёт их прежде, чем они смогут вернуться в тот самодельный бункер? Ведь действие антирада не проходит бесследно. С каждой интоксикацией организм изнашивается всё сильнее. Им всем давно требуется профессиональная медицинская помощь, особенно Антону и его семье!

Мысли Овечкина вновь закружились вокруг состояния здоровья себя, жены и сына, и следующие двадцать минут он молча истерил на эту тему, мысленно предъявляя претензии то Порфирьеву, то полковнику, то умершему генералу. Каждый из них сделал неправильно всё или почти всё, а ведь от этого зависело выживание Антона и его семьи, но самое страшное в том, что он всё ещё продолжал зависеть от психопатов в военной форме. Неадекватность Порфирьева никогда не вызывала у Овечкина сомнений, а полковник сам только что с ледяным равнодушием палача заявил, что нанёс бы удар по сугубо гражданскому бункеру. И кто сказал, что он не сделал чего-то подобного? Он же из подземного города в Раменках, значит, откуда-то из высших эшелонов армейского командования, то есть вполне мог руководить боевыми действиями! И стрелять по гражданским объектам врага вместо военных! Не исключено, что именно потому наша страна получила такие чудовищные разрушения! Вместо борьбы с настоящими противниками, такие вот психопаты в погонах запускали ядерные ракеты по мирным целям!

- Ветер стих, - голос Владимира прервал его молчаливую истерику. – Видимость увеличивается, можно поднять скорость. Едем прежним курсом?

- Закладывай дугу справа налево, - откликнулся Порфирьев. – Попробуем сделать круг диаметром в километр, пока снега нет. Если успеем вернуться на свои следы, у нас будет гарантированно обследованная точка на местности. От неё будем отталкиваться дальше.

Винты вездехода взвыли сильнее, и машина заложила долгий вираж. Несколько минут Овечкин смотрел на проплывающие мимо обугленные обломки деревьев, торчащие из-под черного снега, словно кривые заскорузлые огрызки. Если здесь и вправду был лес, то его или выкорчевало полностью, или переломало под корень. Остались лишь размозженные остатки самых толстых деревьев, выпирающие из снега от силы на метр. Всё остальное превратилось в пепел, горелую труху и обугленные фрагменты непонятно чего, беспорядочно захлавившие земную поверхность, но невидимые под полуметровым слоем снега. Идти здесь пешком ещё опаснее, чем по руинам Москвы. Там слежавшиеся обломки хотя бы состоят из бетона и металлов, они более-менее плотно сцеплены друг с другом. А тут изломанные прогоревшие деревяшки, которые могут в любую секунду надломиться под тяжестью человеческого тела. Он вспомнил, как угодил ногой в подобную расселину, когда заблудился в Раменках и вывихнул ногу. Порфирьев вправил вывих, но нога до сих пор ныла и начинала болеть от долгой ходьбы. Наверняка неуравновешенный мизантроп специально сделал вправление нарочито грубо, чтобы таким образом навредить Антону...

- Впереди что-то есть! – прозвучал в эфире рык Порфирьева. – Местность начинает повышаться. Володя, давай туда, только аккуратно. Надо понять, гора это или отвал кратера.

Все разом просунулись и прильнули к иллюминаторам, стремясь разглядеть приближающуюся прямо по курсу черную муть, темнеющую в серой пылевой взвеси.

- Три тысячи рентген в час, - с нескрываемым страхом произнес молодой техник, переводя взгляд с приборной панели на дорогу и обратно. – Три триста! Три четыреста пятьдесят! Три семьсот! Четыре тысячи!

- Назад! – велел Порфирьев. – Уходи на передел видимости, пойдем вдоль горы.

- Это гора? – Овечкин почувствовал, что от страха и напряжения у него взмокли ладони. – С таким радиационным фоном?!

- Обломки пней из-под снега торчат, - ответил Порфирьев. – Не похоже на отвал...

- Контактным по вершине ударили, - заявил полковник. – Там, наверху, эпицентр, но высота небольшая, поэтому тут фон растёт. Раньше в этой местности серьёзных высот не было. Гору насыпали над «Подземстроем», так что другой такой здесь быть не может. Похоже, ты всё-таки нашёл её, капитан. – Он попытался сдержать кашель, и натужно продолжил: - Честно – думал, что не найдём. Ошибемся на десяток километров, проедем мимо, да так и подохнем в поисках. Давай, капитан, дело за малым! – Полковник тяжело закашлялся и просипел сквозь надрывный хрип: - Осталось найти вход... если он есть.

Минут тридцать вездеход полз вдоль подножия теряющейся в океане пыли горы, и в эфире звучало только рычание Порфирьева, корректирующего курс. Машина, вынужденная объезжать торчащие из-под черного снега оплавленные валуны и обугленные обломки пней, постоянно сбивалась с пути, то слишком близко прижимаясь к опасной зоне, то чрезмерно удаляясь от подножия в противоположную сторону. Хлама вокруг стало в разы больше, потом, как всегда внезапно, налетел ветер, и скорость упала до пешеходной. В завьюженные черным месивом иллюминаторы стало не разглядеть ничего, люди молча сидели на скамьях, и в кузове висела почти осязаемая напряженность.

- Стой!!! – рывканье Порфирьева сменилось резким торможением. – Обрыв!!!

Вездеход встал, как вкопанный, и инерция швырнула сидящих в кузове друг на друга. В силу малой скорости и большой тесноты всем удалось удержаться на своих местах, но сдавленные соседями Овечкин и полковник одновременно зашлись в кашле.

- Что случилось? – Антон услышал в эфире голос лейтенанта. – Мы наткнулись на кратер?

- Не похоже, - с сомнением откликнулся Порфирьев. – Тут фон меньше, чем раньше. Но обрыв почти вертикальный, чуть не рухнули куда-то вниз. Не видно ни хрена, надо ждать, пока ветер стихнет. Пока останемся прямо здесь.

Овечкин попытался разглядеть в иллюминатор преградивший путь обрыв, но за бронестеклом кипел сплошной хаос из грязного снега вперемешку с мелким грунтом. Вскоре ветер резко усилился, и замерший на воздушной подушке вездеход стало сдувать с места, медленно отодвигая назад. Несколько раз молодому технику приходилось приводить машину в движение и возвращаться к краю обрыва, и Антон искренне надеялся, что там, в кабине вездехода, обзор лучше, чем в кузове, и они не рухнут с обрыва из-за ошибки водителя. Потом штормовой ветер прекратился как всегда внезапно, и некоторое время все ждали, когда осядет поднятое в воздух снежно-земляное грязное месиво.

- Давай вдоль кромки, осторожно. – В телефонах гермошлема зазвучало рычание Порфирьева, и вездеход медленно заложил поворот на девяносто градусов.

Грязно-снежный хаос в иллюминаторах сменился утопающей в сумерках мутной пылевой завесой, сохранявшей видимость на всё те же метров двадцать, и Антон понял, что лучше уже не станет. Машина пошла немного быстрее, сидящие в кузове люди прильнули к иллюминаторам, и он напряг зрение. Они действительно нашли какую-то гору и находились сейчас где-то на поверхности её пологого склона. Из-за ограниченной видимости саму гору было не разглядеть, она терялась в океане пыли и угадывалась по бесконечной черной тени в иллюминаторе задней двери. Похоже, склон из пологого становился крутым где-то совсем недалеко. Хорошо, хоть не врезались. Наверняка вездеход был оборудован приборами для вождения в сложных метеоусловиях, раз это армейская техника, но если они едва не упали в пропасть, значит, в условиях сильной ионизации воздуха приборы работали плохо или не работали вообще.

Теперь, когда машина шла вдоль обрыва, его кромку было видно достаточно хорошо. Засыпанная черным снегом поверхность резко обрывалась вниз, на пятиметровую глубину, напоминая стену каньона. Каньон был узкий, не шире пяти метров, сильные ветра отутюжили его дно до гладкого состояния, и понять, что там, под слоем перемешанного с золой снега, было невозможно.

- Это гора треснула от ядерного взрыва? – тихо спросил кто-то из активистов, судя по голосу, бывший спортсмен-армянин. – Склоны отвесные и уходят куда-то далеко. Наверное, пополам гору развалило!

- Разлом искусственный, - ответил молодой техник. – На противоположном склоне видны следы работы грейдера. Наверное, он глубокий, раз до сих пор грунтом не занесло.

- Его выкопали недавно, - прорычал в эфире Порфирьев. – Поэтому не занесло. Но всё равно засыплет с такими ветрами... – Он на секунду умолк и задумчиво продолжил: - У тех, кто опередил нас на складах Росрезерва, был грейдер. Возможно, это они и есть. Нужно найти начало этого каньона. Наверняка они пытались прорыться ко входу в «Подземстрой».

- Если им это удалось, то мы найдем вход в конце каньона, - хрипло просипел полковник. – Капитан! Съезжайте на дно и двигайтесь по каньону до упора! С тех пор наверняка прошло несколько суток, вход занесло ураганами, придётся откапывать! Сколько у нас энергии? Хватит запитать землеройку?

- Полтора аккумулятора у нас, - ответил за Порфирьева молодой техник. – Только землеройки нет. В штатном контейнере вездехода пусто, наверное, они же её и забрали. Есть пара лопат, лом, багор и лебёдка.

- И отбойный молоток, - напомнил пожарный, указывая на лежащий под сиденьем инструмент, - с полным аккумулятором. Как-нибудь прокопаемся, вряд ли вход засыпало больше, чем на два метра. Хватило бы времени. У меня двести восемь минут до интоксикации осталось.

- Вон въезд, - негромко произнес Порфирьев водителю. – Съезжай осторожнее, хрен его знает, какая там глубина и что под снегом.

Вездеход спустился со склона и заложил вираж, оказываясь перед входом в каньон. Машина осторожно втянулась внутрь, и стало хорошо заметно, что за прошедшее со времени раскопок время глубина каньона явно уменьшилась. Черные сугробы у подножия стен были почти на метр выше уровня дна посреди каньона, что свидетельствовало о том, что под воздействием ураганов его действительно засыпает грунтом.

- Где они оставили свою технику? – подал голос лейтенант. – Всё уместилось в ангарах бункера?

- Вообще у «Подземстрой» был здоровенный паркинг, - ответил Порфирьев. – Под горой, рядом с входом. Думаю, что туда влезет даже грейдер, только если вход пришлось откапывать, то паркинг тоже должно было засыпать обрушением.

- Доедем – увидим! – просипел полковник. – Давайте быстрее, пока штиль!

Молодой техник увеличил скорость, и завывание лопастей усилилось. Вокруг сильно потемнело, и поднятая вездеходом грязная пыль вновь закрыла иллюминаторы. Машина прошла с полсотни метров и остановилась.

- Что там? – полковник подался к перегородке, отделяющей кузов от кабины. – Нашли вход?

- Тупик, - констатировал водитель. – Каньон заканчивается.

- Может, вход под нами? – с надеждой предположил Овечкин. – Его занесло грунтом и снегом!

- Угу, - промычал Порфирьев. – Вместе с грейдером и всеми остальными. Надо возвращаться.

Должен быть другой путь.

- Ты уверен, капитан? – полковник подавил кашель. – Может, инженер прав?

- Если они ушли вниз, то под нами должна быть шахта лифта и что-то вроде люковых ворот горизонтального типа над ней, - ответил амбал. – Я такого в «Подземстрое» не видел, там вход был вертикальным, но даже если так, то куда делась техника?

- Они забрали её с собой, нет? – фыркнул Овечкин.

- И грейдер тоже? – в рычании Порфирьева послышалась усталость. – Зачем он им под землей? Ураганы засыплют каньон доверху так или иначе, они это прекрасно понимают. Грейдер имеет смысл оставить снаружи, и не просто бросить, а хоть как-то законсервировать. Снять аккумуляторы, накрыть чем-нибудь, а ещё лучше – собрать вокруг него ангар прямо рядом с выходом. Хотя бы элементарный.

- Может, у них не было на это времени! – возразил Антон. – Людям могла срочно потребоваться медицинская помощь! Может, они сделают это позже!

- Возвращайтесь! – полковник проигнорировал Овечкина, словно того не существовало. – Продолжайте искать!

- Я тут не развернусь, - настороженно заявил молодой техник. – Места слишком мало, я такие вездеходы раньше не водил... И задом сдавать... я не уверен...

- Меняемся местами! – прорычал Порфирьев. – Я поведу!

Амбал распахнул дверь, но вместо прыжка в снег ловко вскарабкался на крышу кабины и в два шага оказался над водительской дверью. Молодой техник таким пируэтам обучен не был, и просто выпрыгнул из кабины, намереваясь оббежать вездеход по кругу. Обманчиво прочная на вид толща из землистого снега и золы провалилась под его ногами, и Владимир по колено зарылся в радиоактивную труху. Он с трудом побрёл в обход машины, пытаясь шагать по глубокому снегу, но на половине пути споткнулся обо что-то невидимое и упал. Что-то помешало ему подняться сразу, и молодой техник завозился в грязном снегу, бормоча тихие ругательства.

- Что там у тебя? – Порфирьев влез в кабину прямо с крыши и теперь выглядывал из водительской двери. – Володя?

- Тут что-то есть! – недовольно ответил молодой техник, пытаясь подняться. – Под снегом! Обломок дерева что ли... Нога застряла! Грёбаные обломки...

Наконец ему удалось нащупать твердую опору, и молодой техник рывком освободил ногу. Вместе с ногой из-под черного снега вылезло что-то ещё, и он пригляделся к неожиданной находке.

- Лыжа! – Заявил Владимир. – Обломок короткий, но с креплениями! Тут что-то ещё...

Техник выдернул обломок лыжи, отбросил его в сторону и принялся копать в черном снегу.

- Твою мать!!! – он резко отпрянул. – Труп!!! Олег, тут мертвец!

- Оружие есть? – Порфирьев выпрыгнул из кабины и направился к молодому технику.

Фотохромный комбинезон спецназовца слился с грязно-землистым снегом, и силуэт амбала растворился в сумерках. Лишь пятно нарукавного фонаря выдавало его местоположение.

- Нет вроде... – Молодой техник нерешительно ощупывал ногой пространство возле трупа.

Порфирьев добрался до мертвеца и принялся быстрыми движениями откапывать тело. Он обыскал заочневшее тело, подобрал лыжную палку и пошарил ею вокруг, словно щупом.

- Вот его рюкзак, - амбал выдернул из-под снега полупустой рюкзак и бросил его технику. – Забери, посмотрим, что там. Лыжи порублены, костер он, что ли, пытался из них сложить... А вот и топор. – Порфирьев отыскал в черной снежной грязи туристический топорик и тоже сунул его Владимиру: - И лыжные палки забери. Вдруг пригодятся. Всё, пошли в кабину, время идёт!

- Что за труп, капитан? – хрипло вышел в эфир полковник. – Кто-то из тех, которые с грейдером?

- Нет, - Порфирьев влез на водительское сиденье, и его стало заметно лучше. – Они опережают нас где-то на неделю. Когда они уходили из Росрезерва, такого снега ещё не было. А этот на лыжах шёл. Он тоже «Подземстрой» искал. Видать, наткнулся на этот открытый каньон, как мы, и решил, что это вход. Добрался до тупика, дальше сил не хватило. Пытался разжечь костёр, но умер раньше.

- Замёрз? – равнодушно уточнил полковник.

- Думаю, от облучения, - ответил амбал. – У него глаза открыты, оба белка в язвах и на лице нарывы. Гражданский он, без антирада шёл.

Вместо ответа полковник снова зашелся в надрывном кашле, и Антон подавил желание прочистить горло. Першит всё сильнее, но это не значит, что у него такие же проблемы, как у полковника! Он надышался техническим порошком из пробитого фильтра, порошок безвреден, об этом генерал говорил, так что это скоро пройдет! Он не обречен, нет! Ненужно паниковать!

Вездеход взревел двигателями и резко повернулся на месте, выполняя разворот на сто восемьдесят градусов. Овечкин опасно сжался, ожидая удара, но машина закончила манёвр на узком пяточке, не задев нависающих стен. Вездеход помчался обратно и вскоре выскочил из каньона на открытое пространство. Вокруг заметно посветлело, и Антон посмотрел в иллюминатор, пытаясь увидеть в бескрайней пылевой взвеси хоть что-нибудь кроме оплавленных валунов и обугленных обломков пней. Порфирьев сбавил скорость и повёл машину вдоль подножия горы, петляя между полузасыпанными радиоактивным снегом препятствиями. Минут десять ничего не менялось, включая смертельно опасный уровень радиоактивного излучения, потом вездеход резко остановился.

- Что у тебя, капитан? – полковник бросил взгляд в иллюминатор, но ничего не увидел и подался к окошку в перегородке между кузовом и кабиной.

- Вижу грузовики, - Порфирьев внимательно вглядывался в пылевую взвесь. – Там стоит техника.

Антон пытался проследить его взгляд, но смог заметить лишь невнятные темные пятна, угадывающиеся в океане пыли.

- Военная? – напрягся полковник.

- Та, что я вижу, нет. Судя по силуэтам. А что там дальше, не знаю. Лучше пока оставаться тут, я схожу, гляну, что там. Не хватало ещё, чтобы нас и здесь перепутали с противником и долбанули из чего-нибудь тяжелого.

- Ты там повнимательнее, - просипел полковник. – Владимир, садись за штурвал! Если силуэты начнут двигаться, сразу уводи нас поглубже в пыль!

Порфирьев покинул кабину, растворяясь в пылевом океане, и в памяти Овечкина мгновенно вспыхнули кроваво-красные лазерные лучи системы наведения вражеского робота-убийцы. Он чуть не погиб из-за того, что военные приняли его фальшфейер за отсвет глаз боевого механизма врагов! Антон почувствовал страх. Роботы-убийцы едва не обнаружили их вездеход на окраине Нижнего Новгорода, а вдруг они добрались сюда?! Мы ускользнули от них там, на замерзшей реке, но что, если они всё-таки нашли наши следы?! Роботы не страдают от интоксикации, им не требуется пережидать сутки между циклами антирада, они могли опередить нас, если им известны координаты «Подземстрой-1», а они всегда были в открытом доступе!

Осознание смертельной опасности, поджидающей его где-то совсем рядом, в глубине океана пыли, вызвало приток адреналина, и Овечкин почувствовал, как внутри перчаток скафандра дрожат пальцы. Он убедился, что сидящие в кузове люди смотрят во все иллюминаторы, и роботы-убийцы не смогут подойти к вездеходу незамеченными, но легче от этого не стало. Кто знает, сколько их там?! Вдруг роботы окружают их со всех сторон, как тогда, на берегу?!

- Господин полковник, - Антон попытался скрыть страх и говорить спокойно. – Вражеские роботы могли добраться сюда раньше нас?

- «Товарищ полковник», - вяло поправил тот и закашлялся. – Теоретически – да. Их вообще могли высадить здесь сразу после ядерной атаки. Практически – вряд ли. Чтобы высаживать роботов на каждом углу, их должно быть огромное количество. Такое наша разведка точно не прощляпила бы. Скорее всего, роботов у противника было немного, это суперсекретные разработки, они не могут быть массовыми по определению. Они шли за кем-то из Москвы до окраины Нижнего, но раз там потеряли цель, то выйти сюда уже не должны. Иначе давно были бы здесь, а не бродили по берегу. И раз мы сутки провели в палатке возле семейного бункера и остались живы, значит, нас они тоже не засекли. В общем, скоро узнаем, как только ваш капитан вернётся.

Овечкин хотел было заявить, что Порфирьев уж точно не его капитан, но не стал. Это же военные, какая разница, кто из них откуда, принципиально они все заодно, особенно когда надо притеснять гражданских. Лучше не усугублять.

Порфирьев вернулся через двадцать минут. Заметить его приближение никто не смог, и все, кто увидел внезапно распахивающуюся пассажирскую дверь кабины, вздрогнули от напряжения и неожиданности. Кто-то из солдат даже схватился за оружие, но в тесноте заполненного людьми кузова толком не успел ничего сделать.

- Тут везде пусто, - капитан захлопнул дверь и обернулся к окошку во внутренней перегородке. – Я нашел два крытых грузовика, самосвал, трактор с ковшом, тягач с грузоподъёмной стрелой, промышленную землеройную установку и медицинский грузопассажирский вездеход. Стандартная техника МЧС, с эмблемами Росрезерва, на электрическом ходу. И две дизельные БМП старого образца. Со всех машин сняты аккумуляторы и боезапас, топливо слито, медицинский вездеход вычищен подчистую, даже носилок нет. Технику составили аккуратно, но её сильно занесло грунтом, значит, стоит уже несколько суток. Грейдер я не видел, но там, дальше, начинается ещё один отрытый каньон. Думаю, он ведет к входу в «Подземстрой». Надо ехать туда, пешком слишком трудно, снег глубокий, под ним много обломков, без лыж только ноги ломать. И непонятно, сколько придется идти, если начнется ураган, то ещё и видимость упадет полностью.

- Раз у них было дизтопливо, - полковник сипло захрипел, но удержался от кашля, - то сами они вышли из какого-либо стратегического объекта. Дизтопливо оставалось только там, для обеспечения автономного питания. Значит, их бункер уничтожило не полностью, кто-то выжил и даже смог подняться на поверхность. Я знаю всех офицеров, командующих стратегическими объектами, от которых реально добраться до наших складов Росрезерва. Так что проблем не будет. Найди вход в «Подземстрой», дальше я сам всё решу.

Вездеход тронулся, и среди сидящих в кузове людей возникло радостное оживление. Обреченные на смерть почувствовали, что спасение близко, и на лицах впервые за много дней появились улыбки. Антон подумал, что раз военных из стратегического объекта запустили в «Подземстрой», то никаких проблем с выживанием там нет, и их самих тоже запустят с лёгкостью. Ничего решать по военной линии не потребуется, потому что обитатели «Подземстрой» руководствуются элементарными нормами морали, гуманизма и милосердия. При чем тут офицеры, командовавшие стратегическими объектами, непонятно. Тем более, что «Подземстрой» абсолютно гражданский объект, и управляют им гражданские менеджеры, которым количество звёзд на армейских погонах безразлично, как и самому Овечкину. Но излагать это дуболомам в военной форме Антон не стал, зачем портить поднявшееся настроение и конфликтовать с полуживым полковником и всей его тусой. Тем более, что скоро они сами во всём убедятся.

Машина проползла вдоль выстроенной в ряд техники, и Овечкин посмотрел в иллюминатор. Технику действительно сильно занесло перемешанным с грязью черным снегом, грузовики утопали в нём до бамперов, а более приземистая военная техника оказалась засыпана едва ли наполовину. Раз поблизости не видно отвалов грунта, который вынимали, когда рыли каньон к входу в бункер, то логично предположить, что эти отвалы раздуло ураганами. Вот почему технику так сильно засыпало всего за неделю. Но это значит, что сам каньон тоже могло засыпать достаточно обильно, и Антон забеспокоился, хватит ли им времени, чтобы откопать вход. До интоксикации осталось менее трех часов, а у них нет механических средств для рытья, только лопаты. Впрочем, он готов рыть руками, лишь бы добраться до спасительного бункера. Ему срочно требуется медицинская помощь, а после этого он получит в «Подземстрое» высококачественное противорадиационное снаряжение и вернётся за своей семьёй!

- Вон там, бери левее, - тихий рык Порфирьева в ближнем эфире указывал водителю путь.

- Где... а, вижу! – откликнулся молодой техник, и вездеход заложил поворот. – В этой пылище ни фи́га не видно, чуть мимо не проехал... Как ты тут ориентируешься?!

- Опыт, - пожал плечами амбал. – Когда идет бой в городе, такой, что аж дома складываются, вокруг бывает вообще сплошная стена из пыли, даже приборы ни хрена не пробивают. Покруче, чем сейчас. Но работать как-то надо. Приноровился за пять лет. Сбрасывай скорость, я дальше этого места не заходил.

Вездеход вполз в искусственный каньон и пошёл медленнее. Стены каньона быстро шли вверх, вокруг сильно стемнело, и свет обоих ходовых прожекторов растворялся в пыльном мраке в двух десятках метров от машины. Антон пытался смотреть через окно в перегородке между кузовом и кабиной, но там уселся полковник и закрыл собой обзор почти полностью. Пришлось глядеть в боковые иллюминаторы, за которыми тянулась покрытая грязным снегом неровная поверхность стен. Кажется, этот каньон был даже уже предыдущего, видимо, его рыли в большей спешке, скорее всего, у людей заканчивался цикл антирада. Вблизи хорошо заметны следы работы землеройной техники на поверхности стен и неоднородная структура самого грунта. Каньон был прорыт не через гору, а через какое-то месиво из грунта, смешанного с оплавленными и расколотыми валунами, камнями разного размера и обилием обугленных древесных обломков. За прошедшие дни щели и трещины в стенах плотно забило крошечным из золы, снега и мелкого грунта, но разглядеть неоднородность завала, через который прорыли каньон, было ещё можно.

- Там что-то есть! – заявил в эфире молодой техник, и все, не сговариваясь, потянулись к окну в перегородке. – Путь перекрыт!

Он сбросил скорость до минимума, и вездеход, завывая пропеллерами, подполз ближе.

- Вот и грейдер, - констатировал Владимир, разглядывая мощную стальную машину, выхваченную из пыльного полумрака светом ходовых прожекторов. – Им заткнули проезд, как пробкой... Я таких раньше не видел...

- Это ИМР, - капитан взгляделся в засыпанный толстым слоем зольного снега стальной корпус уложенными на крышу в походное положение телескопической стрелой и ковшом. – Инженерная Машина Разграничения. Служит для разминирования, прокладки колонных путей, проделывания проходов в завалах... Может перевозить десант, имеет бронирование, защиту от радиации и систему фильтрации воздуха. Ей они и раскопали вход в Росрезерв.

- Там, перед ней, в снегу, лежит что-то... – Молодой техник вытянул шею, вглядываясь в торчащие из грязного снежного месива неясные очертания.

- Трупы, - Порфирьев потянулся за карабином. – Останавливайся, я пойду посмотрю.

Капитан покинул кабину, и Антон попытался наблюдать за его действиями через плечо полковника. Смотреть в окно кабинной перегородки на происходящее за лобовым стеклом было очень неудобно, полковника потряхивало от удушливого кашля, из-за чего он перекрывал обзор почти целиком. Но на этот раз вездеход остановился почти вплотную к препятствию, и в залитой светом ходовых прожекторов пыльной взвеси можно было разглядеть расплывчатый силуэт Порфирьева. Амбал несколько минут копался в грязном снегу, откапывая и осматривая заледеневшие трупы, потом влез в кабину путепрокладчика, но пробыл там совсем недолго, после чего направился вглубь рукотворного каньона и исчез в кромешной пыли. Вернулся он быстро, не прошло и пяти минут. Его сливающийся с окружающей грязью силуэт мелькнул в свете прожекторов, и дверь в кабину распахнулась.

- Нашёл вход? – полковник встретил его вопросом.

- Нашёл, - Порфирьев вместо того, чтобы вызвать всех наружу, забрался внутрь вездехода и захлопнул за собой дверь. – Противовзрывная плита ворот сразу за путепрокладчиком, в десяти шагах. Это точно он. Я эту плиту видел, когда в «Подземстрой» приезжал. Ворота тогда специально держали закрытыми и открывали перед каждым посетителем. Чтобы произвести впечатление, видимо. Сейчас плиту засыпало метра на полтора. Похоже, грунт к ней примерз, так она может и не открыться. Но там примерно половина – это снег вперемешку с грязью, откапываем быстро. А вот дальше всё может пойти по-разному.

- Трупы умерли не своей смертью? – полковник уловил смысл раньше Овечкина.

- Пулевые ранения, - хмуро подтвердил Порфирьев. – Следов радиационного поражения нет. Их там, под снегом, больше двух десятков, много женских. Почти все в офисных костюмах, какие-то вроде даже в недешёвых. Все без верхней одежды. Их убили в чистом месте, скорее всего, там, в бункере. Потом тела вышвырнули на поверхность. Далеко нести не стали, вытащили за путепрокладчик и бросали. Может, торопились, а может, не хотели возиться. Потому что на путепрокладчик времени потратили больше: аккумулятор снят, топливо и жидкости слиты. Он дизельный, тоже старого образца и армейской расцветки. Похоже, взят из консервации в какой-то воинской части.

- Трупы гражданских менеджеров возле входа в бункер, - полковник скривился, но сумел подавить судорожный кашель. – Вряд ли в «Подземстрое» произошёл вооружённый переворот. Значит, бункер захватили те, кто откопал вход.

- Но зачем?! – ужаснулся Антон. – Ведь их же впустили внутрь! Зачем они это сделали?!

- Я откуда знаю? – полковник бросил на него брезгливый взгляд. – Может, характерами не сошлись. Есть только один способ выяснить. Там есть наружное наблюдение? Средства связи?

- Штатные системы наблюдения снесло вместе с защитными кожухами, когда вход засыпало, - ответил Порфирьев. – Раньше это были здоровенные ворота в бетонной толще, над которой насыпали искусственную гору. Теперь тут всё завалено так, что нашим предшественникам пришлось целый каньон отрыть, чтобы добраться до входной плиты. Раньше возле неё был внешний пропускной пункт, но сейчас нет ничего. Полузасыпанная вертикальная стальная плита в конце каньона и всё. Долбиться в неё бесполезно, там шлюз, за которым лифтовая шахта вниз. Сам бункер на километровой глубине, оттуда никто не услышит. Надо покричать в эфире на аварийных частотах, у них же есть радиосвязь, должны слышать.

Полковник перевёл взгляд на Овечкина:

- Если внешнее оборудование уничтожено, наружных антенн у них больше нет. Насколько реально, что они нас услышат с такой глубины?

- Сложно сказать, - Антону мгновенно стало страшно. Они добрались до убежища, но могут не попасть внутрь! Такое уже было в Москве! Он изо всех сил постарался не паниковать и торопливо заявил: - Бункер строился как полностью изолированный объект, значит, внешние системы связи связывались с внутренними по беспроводным каналам. Там, за шлюзом, должно быть установлено приёмо-передающее оборудование. Пострадать оно было не должно. Нас должны слышать!

- Ближний эфир они точно слышат, - задумчиво прорычал Порфирьев. – По крайней мере, до захвата точно слышали.

- С чего ты взял? – полковник натужно прочистил горло и распахнул шлем. – Потому что есть... – он сплюнул кровью и захлопнул лицевой щиток, - первый каньон?

- Его рыли в неправильном месте, - подтвердил капитан. – У них стопроцентно с самого начала были точные координаты входа, но копали они наугад, ориентируясь приблизительно. Думаю, из-за погрешности в привязке карты к местности. У них ведь тоже навигация не работает. Они выбрались из своего командного пункта, спутников нет, компас бесполезен, навигаторы – мусор. Пришлось привязывать карту к местности вручную, как нам. На глаз в такой каше без ошибок не привяжешься. На расстоянии в четыре с лишним сотни километров отклонение получится значительным. Мы почти час петляли, пока на гору натолкнулись. Они тоже не сразу вышли в нужную точку. И рыть начали с ошибкой. Наверняка всё это время выходили в эфир. В какой-то момент их услышали и ответили. Они запеленговали сигнал, поняли, что роют не там, где надо, бросили первый каньон и переместились сюда. Значит, с этого места радиосвязь точно должна цеплять. Если её не отключили после захвата.

- Вряд ли, - полковник снова скривился. – Зачем оставлять себя без ушей, когда вход в бункер демаскирован? Добрались одни – смогут добраться и другие. Сюрпризы никому не нужны. Капитан, бери людей и откапывай ворота. Я буду работать в эфире. Сколько времени нужно на раскопки?

- У нас только две лопаты, а снег снаружи вперемешку с грунтом, - Порфирьев поискал глазами пожарного. – Отбойный молоток есть. За час справимся. Может, раньше, если ураган не начнётся. Но если не попадём внутрь до интоксикации, то придется выбираться из каньона. Он слишком узкий, базу здесь не развернуть.

- Откапывай вход, - решил полковник. – У нас есть два часа сорок три минуты. Если всё затянется, то за час до интоксикации отойдём подальше и там развернемся. Вопросы?

- Вопросов нет, - ответил капитан. – Но, если ворота начнут открываться, в этот момент всем лучше находиться за путепрокладчиком. Пули его не пробьют. А там – как повезёт.

Все кроме полковника полезли наружу, и Антон невольно вздрогнул, глядя, как цифры на дисплее счетчика Гейгера подпрыгивают до значения «999» и застывают на нём, словно нарисованные. Эпицентр ядерного взрыва находится в угрожающей близости, здесь смертельная радиация, если застрять тут надолго, то никакой антирад не поможет. Он вспомнил вереницу безжизненных тел, так и не поднявшихся на ноги после штормового ветра там, в Москве, в завьюженных грязным ядовитым снегом Раменках, и поспешил за остальными. Ему необходимо попасть в «Подземстрой», они должны его впустить! Должны!

Протиснуться между стеной каньона и путепрокладчиком оказалось труднее, чем на первый взгляд. Грунт под толщей грязного снега смерзся в покатуую поверхность, и Антон несколько раз упал, поскользнувшись. Пришлось помогать себе руками, чтобы выбраться из черного месива. Показания термометра упали до минус двадцати трёх, индикатор системы обогрева горел постоянно, и пиктограмма заряда аккумулятора демонстрировала треть ёмкости. Энергии всё меньше, количество перенесённых интоксикаций всё больше, першение в горле усиливается с каждым часом, а утолять голод и жажду приходится пропитанной химией водой и консервами, извлеченными из радиоактивной упаковки. Если потребуются, он откопает этот грёбаный вход руками, лишь бы его впустили внутрь! Даже если «Подземстрой» захвачен какими-то спятившими вояками – плевать! Он вытерпит, главное – выжить!

Вход в бункер выглядел удручающе. Заполненный пылевой взвесью сумрачный каньон упирался в грязную стальную стену, ровную, без каких-либо кнопок, видеокамер и прочих устройств связи. Металлическая толща, выпирающая из доходящего до колен черного снега, и ничего больше. Собравшиеся перед глухой стеной люди молча смотрели на непреодолимую преграду, шаря по исцарапанной поверхности лучами наשלменных фонарей, но кроме стали не находили ничего. Если бы не техника, брошенная у входа в каньон, и стоящий за спиной путепрокладчик, Антон бы подумал, что они действительно стоят перед стеной, и никаких ворот тут нет. У кого-то из активистов возникли такие же мысли, и он тихо поделился ими с остальными. В ответ лейтенант сообщил, что они точно нашли вход, сомнений быть не может.

- Это противозрывная плита, - лейтенант попытался расчистить автоматным прикладом небольшой участок поверхности на стыке стального листа и земляной толщи, но смерзшийся грунт оказался слишком твердым, и ему удалось лишь отколоть небольшой кусок. – Сами ворота находятся за ней. Если внешнюю конструкцию деформирует взрывом или тектоническим смещением, то плиту можно вытянуть внутрь, зато ворота уцелеют, герметичность не нарушится. Раз плита на месте, значит, деформации не было. То есть сам бункер точно не разрушен. Его только завалило сильно, сами по себе ворота шире, чем тут раскопано.

- Здесь раньше было открытое место, - подтвердил Порфирьев. – Эта плита выходила во внешнее пространство: огороженная территория, подъездные пути, КПП, автобусная остановка, разгрузочный ангар для грузовиков с товарами. Теперь здесь слой грунта в пять метров. Тех, кто окапывал вход, навели на цель очень точно. Без помощи изнутри они не смогли бы безошибочно прокопаться к воротам. В первый раз у них не получилось, потому что на тот момент им ещё не удалось установить связь с бункером. Потом связь появилась, и их сориентировали правильно. Значит, нас тоже должны услышать.

- «Подземстрой!»! «Подземстрой!»! – радио сканнер скафандра вывел на головные телефоны гермошлема хрипение полковника на аварийной частоте. – Я – полковник Менделеев, Генеральный Штаб Министерства Обороны Российской Федерации! Приём!

Ответа не последовало, и полковник принялся монотонно вызывать «Подземстрой», часто прерываясь на кашель. В эти секунды в эфире стоял лишь треск сильных помех и ничего больше. Перед глазами Антона развернулась знакомая картина: мрачный каменный мешок в нагромождении развалин, вокруг радиоактивная пыль, впереди наглухо запертые ворота в бомбоубежище, за которыми никто не подаёт признаков жизни, хотя не вызывает сомнений, что там, за воротами, есть люди, и они смотрят на Антона через наскоро установленную видеокамеру... И вот сейчас он снова стоит перед убежищем, в шаге от спасения, но путь к выживанию ему вновь преграждает стальная стена. Нервы не выдержали, и Овечкин, спотыкаясь в перемешанной с золой снежном месиве, бросился к стальной плите.

- Открывайте! – Заорал он, колотя ногами по грязному исцарапанному металлу. – Слышите?! Вы не имеете права! Открывайте немедленно! Здесь люди ждут спасения!

- Инженер, заткнись! – сквозь забитый помехами эфир пробился голос полковника. – Не засоряй эфир! Капитан, озадачь его, пока он не свихнулся, и проследи, чтобы не ныл на аварийной частоте!

- Овечкин, иди сюда! – Зарычал Порфирьев. – Поможешь таскать носилки! Потом тебя сменят. Саня, давай отбойный молоток, бери Овечкина и за носилками! – Он перевел взгляд на активистов: - Несите лопаты, будете выгребать грунт! Лейтенант, дай мне одного бойца, будет работать ломом, остальных забирай и занимай позицию за путепрокладчиком. Если двери начнут открываться, держать выход на прицеле! Без команды не стрелять!

Лейтенант кивнул, оставил ему бойца и увёл остальных солдат за путепрокладчик. Люди, спотыкаясь в глубоком снегу, побрели за инструментом, и амбал окликнул молодого техника:

- Володя! Садись за штурвал вездехода и не вылезай оттуда! Если нам начнут открывать, не жди особого приглашения, сразу вырубай прожекторы и сдавай назад хотя бы на десяток метров.

- Я не смогу задом сдать, - молодой техник поморщился. – Здесь ещё уже, чем там, в первом тоннеле. Да ещё темно! Врежусь! Может, ты сразу вездеход развернешь мордой на выезд? И пусть так стоит. По прямой я на габаритных огнях отползу!

- На нем задних прожекторов нет, - возразил амбал. – Без света будем копать вдвое дольше, а в скафандрах аккумуляторы садятся. Тогда просто выруби все огни и заглуши движку. Всё, давай в кабину! – Он обернулся к Антону: - Овечкин! Не стой столбом, хватай носилки и вперёд!

Порфирьев бесцеремонно подтолкнул Антона в сторону тащащего носилки пожарного, отчего Овечкин едва не упал в грязный снег, поднял отбойный молоток и направился к стальной плите ворот.

Следующие полчаса Антон таскал носилки от орудуемого отбойным молотком Порфирьева к путепрокладчику, скрепя зубами от усталости, злобы и постоянно растущего нервного напряжения. Идти через глубокий снег по скользкому грунту было нелегко без всяких носилок, а с ними выматывало так, что он взмок от напряжения. Амбал велел им с пожарным высыпать грунт в две

кучи возле стен, чуть впереди путепрокладчика, чтобы получалось что-то вроде брустверов. Сказал, мол, если из лифта откроют огонь, то пули должны увязнуть либо в путепрокладчике, либо в этих кучах, и не долететь до вездехода, потому что, если вездеход умрёт, а в бункер их не пустят, то всё, пиши пропало. И Антон послушно надрывался, тихо беснуясь от ненависти к военным. Сначала они устраивают на планете ядерный кошмар, потом один из них унижает его на глазах сына и лишает дочери. Потом этот ублюдошный генерал едва не расправился с Антоном и его семьёй, хорошо, что подход, туда ему и дорога, а теперь выясняется, что ещё какие-то подонки в форме захватили «Подземстрой», устроили там кровавую расправу, и теперь не пускают его в бункер. Он, будучи остро нуждающимся в медицинской помощи, надывается с этими долбанными носилками, а пятеро здоровых жлобов с автоматами разлеглись за долбаным путепрокладчиком, типа, «заняли позиции», и ни фиги не делают! Но он всё равно выживет им всем назло! Лишь бы только эти сволочи там, за воротами, впустили его внутрь!

Усиливающееся першение в горле вызывало нарастающий страх, от частого откашливания гортань воспалилась и болезненно отзывалась даже на кряхтение, головная боль, успокоившаяся после полученной в метро травмы, снова напомнила о себе. От отчаяния Антон решил попросить Порфирьева отпустить его отдохнуть, и тот даже согласился, но в эту секунду, как всегда внезапно, налетел ураганный ветер, и у тупика их рукотворного каньона вспыхнул чуть ли не торнадо из грязи и мелких камней. Все попадали, кто где стоял, и Антон с пожарным укрылись носилками, как смогли. Овечкин сжался в комок, но полностью уместиться под носилками двум взрослым людям невозможно, и разогнанные ветром камни больно били по торчащим из-под них частям тела. Материал скафандра смягчал удары, но температура под ветром сильно упала, и лежащий без движения вспотевший Антон быстро замерз. По окоченевшему телу летящие камни били болезненнее, от холода начался озноб, сухой кашель усилился, раздраженное горло отдавало резью. В довершение всего этого никто не отвечал на вызовы полковника, не умолкающего в эфире ни на минуту, и это было самое страшное. Через десять минут ветер наконец-то стих, и измученный Антон, пошатываясь, побрёл к вездеходу.

- Куда? – Порфирьев схватил его за локоть и направил обратно к носилкам. – Работать кто будет?

- Мне надо отдохнуть, - вяло возмутился Овечкин. – Ты сам разрешил!

- Ты уже отдохнул! – прорычал амбал. – Таскай давай! – Он вновь загремел отбойным молотком.

Пришлось подчиниться и таскать дальше. Сам амбал долбил заледевший грунт без устали, словно робот, и Овечкин понял, что за прошедшее время они откопали ворота больше чем наполовину. До интоксикации два часа, времени хватит, но что потом? Если их не впустят до истечения этого срока, то за сутки сидения в палатке тут всё засыплет заново и снова придется рыть. Ещё через пятнадцать минут до Порфирьева наконец-то дошло, что люди валяются с ног, и он вышел в ближний эфир.

- Лейтенант, смени нас, - прорычал он. – Тут немного осталось. Оружие не снимать!

Услышав эти слова, Антон бросил носилки и поплёлся в сторону вездехода. Ему никто не мешал, и он оглянулся. Оказалось, что Порфирьев остался у входа и разговаривает с лейтенантом. Они обсуждают что-то на тему кто где занимает оборону, когда ворота откроются. Потом амбал взял карабин в руки и залёг за дальней кучей грунта, выпадая из света прожекторов вездехода. Его силуэт расплылся, растворяясь в пыли, и Антон потерял Порфирьева из вида. Вот и пусть там сидит. Надо ещё полковника к нему посадить, чтобы не грелся в теплом кузове! Военные всё это устроили, вот пусть и расхлёбывают! Чтобы договориться с маньяками, нужны другие маньяки, или как там говорят...

После троп, проторенных в снежной грязи от ворот до отвалов грунта, вновь пришлось идти через глубокий снег, и выбившийся из сил Антон несколько раз упал. Добравшись до вездехода, он с трудом влез в кузов и в изнеможении рухнул на сиденье. Отдыхающая смена забралась в машину, двери захлопнули, и три девятки на счетчике Гейгера превратились в три шестёрки. Овечкин несколько секунд глядел на зловещую цифру, но уровень радиации не менялся, и в горле вновь запершило. Чтобы отвлечься от панических мыслей, он закрыл глаза и прислушался к монотонному голосу полковника. Сразу после урагана он дополнил свой примитивный армейский текст более разумной информацией, но ответа всё равно не было.

- «Подземстрой», «Подземстрой», приём! Я – полковник Менделеев, Генеральный Штаб Министерства обороны... – Полковник в очередной раз надрывно закашлялся, выходя из эфира.

Он привычным движением распахнул шлем, сплюнул кровавый сгусток и растер ногой. Антон открыл глаза и посмотрел на пол. Стальное покрытие под ногами полковника было покрыто грязно-красными разводами.

- ... Российской Федерации! – Полковник захлопнул шлем, продолжая вызов. – «Подземстрой», мы знаем, что вы нас слышите! Мы находимся перед вашими внешними воротами! До окончания цикла антирада остался один час сорок две минуты! Нам требуется помощь! Под моим командованием находится двадцать человек, включая шестерых женщин и одного маленького ребенка. У нас имеются высококвалифицированные гражданские специалисты: три медика, инженер-механик, техник и сотрудник пожарной охраны МЧС. В нашем распоряжении вездеход на воздушной подушке на электрической тяге в исправном состоянии. Мы откопали вход... – полковник снова зашелся в кашле, - ...теперь вы можете открыть ворота. «Подземстрой», ответьте! Приём!

Он замолчал, болезненно кривясь, и перевел дух. В кузове повисла гнетущая тишина, уставшие люди молча сидели на своих местах, никто ни с кем не разговаривал. Все напряженно вслушивались в шипение забитого помехами эфира, и ничто, кроме выживания, сейчас людей не интересовало. О чем тут говорить, когда ты стоишь в шаге от спасения, уткнувшись носом в стальную стену, и твоя жизнь полностью зависит от тех, кто за ней сидит. Почему они не отвечают? Они не могут нас не слышать! Это не какое-то там заштатное бомбоубежище возрастом в полторы сотни лет, в подвале московской многоэтажки, которое чинуши от гражданской обороны сохранили для галочки! У них там всё есть! По последнему слову техники! Они в безопасности! Что им стоит впустить каких-то двадцать человек, если убежище рассчитано на тысячи?! А вдруг у них вышла из строя система связи, и они действительно нас не слышат?! Нет! Такого не может быть! Антон с трудом подавил панику. Он специалист в этой области и прекрасно знает, что подобное оборудование надежно и так быстро из строя не выходит. «Подземстрой-1» всего три года, их система связи наверняка от лучшего производителя, рекламная кампания, которую проводили бизнес-структуры Шрецкого, уделяла особое внимание тому, что каждый элемент бункера исключительно надежен и выпущен изготовителями с мировым именем. Там даже гарантия не закончилась! Просто так сломаться она не может, если только заводской брак, но «Подземстрой-1» функционирует три года, за это время такое давно бы вылезло наружу, и бракованное оборудование заменили бы по гарантии! Они должны нас слышать, должны! Просто полковник неубедителен, бубнит свою армейскую бредятину, заходясь в кашле через каждые два слова! Вести переговоры должен он, Антон Овечкин! Его интеллект, красноречие и успешный опыт сетевого хэдлайнера позволят ему заинтересовать их! Он приведет веские аргументы, грамотно обоснует свою позицию, авторитетно полемизировать с оппонентами – это его конёк, он успешный лидер мнений...

Бубнящий свой монолог полковник в очередной раз зашелся в душащем кашле на полуслове, и в образовавшейся паузе на аварийной частоте внезапно зазвучал чужой голос.

- Полковник, как принимаешь меня? – сигнал говорящего пробивался через помехи, но был слышен вполне отчетливо. – Это «Подземстрой», приём!

- «Подземстрой»! Принимаю тебя тихо, но уверенно! – Оживился полковник. – Мы перед вашим входом! Откройте ворота!

- Не торопись, полковник, - в голосе собеседника звучала ирония. – Сначала выведи в эфир кого-нибудь из своих медиков. Я хочу убедиться, что это не блеф.

- Что? – полковник оторопел от неожиданности, но сразу взял себя в руки: - Медиков рядом нет, это женщины, мы оставили их в погибающем бункере, планировали вернуться за ними, как только убедимся, что «Подземстрой» уцелел...

- Ну так возвращайтесь, - заявил собеседник. – Вы только что в этом убедились. Мы подождём.

- У нас через полтора часа заканчивается цикл антирада! – возразил полковник. – Мы не успеем вернуться за это время! Нам нужно переждать интоксикацию!

- Ну так переждите, - постоянное шипение помех делало демонстративное равнодушие собеседника ещё более холодным. – У тебя же есть «База», полковник. Используй её.

Ошарашенный диалогом Овечкин потрясенно переводил взгляд с полковника на окружающих и обратно. Там, в «Подземстрое», знают, что у них есть спецпалатка... Значит, они слышали радиопереговоры полковника и Порфирьева... То есть, всё это время они слышали нашу мольбу о помощи, но не реагировали! И наверняка не собирались отвечать вообще, но полковник упомянул о медиках, и их это заинтересовало. Там, внутри, засели какие-то монстры в человеческом обличье! Антон судорожным движением переключил рацию на аварийную частоту, но полковник его опередил:

- В чем проблема, «Подземстрой»? – полковник явно сдерживал кипящую злобу. – Впустите нас, мы переждем интоксикацию в безопасном месте, и после этого вернемся за медиками. Их бункер в восьмидесяти километрах, это почти два с половиной часа езды!

- На таком расстоянии от нас нет никаких бункеров, - перебил его собеседник. – Я из штаба РВСН, полковник! Мне можешь не рассказывать.

- Это маленький семейный бункер! Мы наткнулись на него по пути... - Полковника вновь скрутило в приступе кашля, и Овечкин не выдержал. Он вышел в эфир на аварийной частоте и заорал:

- Впустите нас немедленно! Вы не имеете права! Это противозаконно! Вы обязаны нас впустить!

- Овечкин, заткнись! – зарычал в эфире Порфирьев, но Антон не собирался подчиняться.

- Немедленно открывайте! – продолжал требовать он. – Нам срочно требуется медицинская помощь! У меня отравление из-за пробитого фильтра! Полковник кашляет кровью! Моя жена и ребенок нуждаются в лечении! Я требую, чтобы за ними немедленно отправили спасательную команду! Вы слышите?! Немедленно! Открывайте! Пока мы добирались сюда, у меня погибла четырехлетняя дочь! Мы потеряли двоих людей! Вы не имеете права не пускать нас! Это преступление! Оставление в опасности! Я...

- Овечкин, заткнись! – с неприкрытой издевкой заявил собеседник, повторяя фразу Порфирьева. – Противозаконно? Не имею права? Ты что, потерял зрение в момент взрыва?

- У меня всё в порядке со зрением! – выкрикнул Антон. – Я хорошо вижу! Особенно трупы здесь, перед входом, в гражданских костюмах с пулевыми ранениями!

- Даю тебе одну секунду, чтобы навсегда уйти из эфира, - в голосе собеседника зазвучала угроза, - иначе условием вашего пропуска в бункер будет твой труп с пулевыми ранениями.

- Что... – Овечкин запнулся на полуслове.

В этот момент дверь в кузов распахнулась, и в вездеход влетел Порфирьев с карабином в руках. Амбал сходу ударил Антона прикладом в солнечное сплетение, и его скрутило от боли. Овечкин рухнул на грязный пол, хрипя от невозможности сделать вдох, и Порфирьев произнёс на аварийной частоте:

- Всё, он вышел из эфира.

- Полковник, что там у тебя за бардак? – осведомился собеседник. – Ты вообще своих людей контролируешь, или у тебя там каждый дрючит, как хочет?

- Люди измотаны, - хмуро ответил полковник, кивая Порфирьеву на Антона. – «Подземстрой» наш единственный шанс выжить. Все вывернулись наизнанку, лишь бы добраться сюда.

Амбал кивнул в знак понимания, поднял корчащегося на полу Овечкина и усадил обратно на сиденье. Он отключил Антону микрофон и уткнулся лицевым щитком шлема в его лицевой щиток.

- Не беси его! – тихое рычание Порфирьева донеслось до Овечкина, словно из бочки. – Если он нас не впустит, подохнем все! Ты что, не понимаешь?! Это его техника стоит снаружи, это он откопал «Подземстрой». Раз он из штаба РВСН, то лучше нас знает, что мир превратился в ад. Какими законами ты собрался его страшить, debil?! Заткнись и думай о жене с сыном!

Едва восстановивший дыхание Антон закашлялся и смог только сдавленно закивать в ответ. Тем временем полковник продолжал переговоры:

- Это был гражданский. Он инженер-механик. До того, как он прибил к нам, его не пустили в какое-то бомбоубежище. В результате его маленькая дочь умерла от передозировки антирада. Сейчас у него не выдержали нервы, сорвался. Он ценный специалист. Впустите нас хотя бы на время интоксикации. Как оклемаемся, поедем за медиками...

Полковник зашелся в кашле, и собеседник вновь воспользовался возникшей паузой.

- Послушай меня, полковник, - заявил он. – Не ты один чудом уцелел в ядерном огне, не только вы добирались сюда, выворачиваясь наизнанку! Если бы не мы, вы бы сейчас катались на своем вездеходике в ожидании смерти по пятиметровому слою грунта, под которым похоронило вход в «Подземстрой»! Это сейчас везде снег, а когда мы сюда добрались, тут всё было усеяно трупами тех, кто дошёл до «Подземстроя» после обмена ударами! Так что нам обязаны все, и вы в том числе.

- Мы ни на что не претендуем, - возразил полковник, - мы лишь хотим выжить...

- Не перебивай! – угрожающе перебил его собеседник. – Тут все хотят выжить! Людям вообще свойственно это желание! И ради его исполнения они готовы на всё, что угодно, в том числе рассказывать любые сказки, особенно душераздирающие. Но у нас тут непростая ситуация. Бункер принял более чем вдвое больше народу, нежели был рассчитан. Системы жизнеобеспечения сильно перегружены, особенно тяжело с продовольствием. Из-за этого уже возникали столкновения, результат которых ты видишь там, за путепрокладчиком. С медициной проблемы ещё серьёзнее: врачей нет, и на пять тысяч человек всего одна медсестра. Мы даже не можем выйти в эфир, чтобы попытаться установить связь хоть с кем-нибудь, потому что всё внешнее оборудование перестало существовать, а внутренние системы связи едва пробивают радиоактивную толщу. В условиях высокой ионизации связь не цепляет дальше километра. Итого: нам нет смысла запускать к себе два десятка полумёртвых психов с оружием и на нервах, которым лишь бы попасть внутрь, а оттуда их уже живыми не выпнешь. Но я дам вам шанс! Ты ещё слушаешь меня, полковник?

- Слушаю, - зло сплюнул тот. – Тебя все слушают!

- Вот и чудесно! – без тени иронии оценил собеседник. – Потому что это всех касается! Сейчас вы уезжаете отсюда и возвращаетесь с медиками. Но в бункер вас никто не пустит до тех пор, пока наша медсестра не протестирует ваших медиков в эфире и не подтвердит, что они те, за кого себя выдают! А не какие-нибудь долбанные менеджеры или бухгалтеры из районной поликлиники, ни хрена не соображающие в медицине, но очень желающие выжить! У нас тут и так баб на сорок процентов больше, чем мужиков, так что невелика потеря. Но если вы действительно хотите попасть в бункер, несмотря ни на что, то у меня есть для вас боевое задание. Под Москвой, относительно недалеко от Звёздного Городка, расположены склады «Росрезерва». Но ты и сам знаешь, полковник, вы ведь там побывали после нас, не так ли?

- Побывали, - полковник скривился от сдерживаемой ярости, но вида не подал. – Это почти пятьсот километров отсюда. Нам может не хватить запаса хода.

- Хватит, - заверил его собеседник. – У вас полтора аккумулятора, или ты забыл? Я не понял, полковник, вам надо в бункер или вы уже передумали?

- Не передумали, - полковник держал себя в руках, но по бушующей во взгляде злобе Антон понял, что он записал собеседника в смертельные враги. – Что нужно сделать?

- На складе 11Б, шестая секция, есть стационарный ретранслятор для установки связи через орбиту. Привезите его сюда, и пусть ваш инженер его развернёт и подключит, раз самый умный. Короче: мне нужна связь и медики. Привезёте – добро пожаловать в «Подземстрой». Нет – советую дожить свои последние дни на складах Росрезерва. Там хоть продукты есть. Ну так как?

- Я должен посоветоваться со своими людьми, - прокашлял полковник.

- Советуйся, - равнодушно разрешил собеседник. – У тебя пять минут.

Конец ознакомительного фрагмента. Вся информация о том где можно купить книгу представлена на сайте www.tarmashev.com